

Моск. комсомолец, 1978, 6 июня

ЧИТАТЕЛЬ РЕЦЕНЗИРУЕТ

ЖИВЫМ ПОМНИТЬ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ повесть об осажденном городе на Неве отозвалась «болью памяти» не только в сердцах переживших блокаду, но и тех, кого так или иначе коснулась война. Алесь Адамович и Даниил Гранин называли ее «Главы из блокадной книги» («Новый мир» № 12, 1977 г.).

«Читателю, конечно же, нужны, интересны прежде всего те, кто сам все это пережил, люди-свидетели, люди-документы», — пишут авторы в начале книги. И вот рассказывают наши современники, оказавшиеся в 1942 — 1943 годах в блокадном Ленинграде. «В сущности, это было в каждом рассказе — голод, холод, обстрелы, лишения, смерти и, следовательно, душевные проблемы, порождаемые этими страданиями, и тут же поступки людей, активность их, то, что они делали, как боролись, несмотря ни на что».

Взволнованность речи рассказчиков с повторами и разговорными неровностями передаются читателям. Сами блокадники понимают, что общие фразы о страданиях рвут невидимую нить достоверности: «Меня спрашивают: блокада, блокада. А что такое на самом деле блокада? Внучка в прошлом году писала, а нынче говорит: у тебя доказательств нету».

Да, слишком невероятным нам кажется дневная норма хлеба в 125 граммов. Авторы не раз напоминают: понять судьбы ленинградцев можно, «лишь учитывая тяжелейшую обстановку в голодающем городе, которую не каждый мог выдержать до конца».

Вот только одна из трагических историй...

«...Любой голод, съедая мышцы и мозг человека, отнимал зачастую и ра-

зум. Мальчик потерял карточки, мать, уже почти невменяемая, выгнала его из дому. Он погиб. А когда все вернулось — сытость, прежняя психика, она не смогла жить. Покончила с собой из чувства вины перед мальчиком. Распад человеческой личности кончился трагически. Вернуться назад оказывалось невозможно».

Неравномерно распределилось горе на войне. Смерть была повсюду, но в Ленинграде она схватила каждого осажденного за горло и ждала последнего срока человеческих возможностей.

С самых первых страниц повествования мы доверяем писателям, ведущим как бы вместе с читателями беседу с блокадниками.

Авторы не стараются уйти от общеизвестных фактов. Наоборот, они ищут что-то общее и отличное в отношении людей к уменьшению пайка, нехватке дров.

С каждым новым рассказом мы как бы совершаем круг в 900 дней, приближаясь к ответу на вопрос: почему город выстоял? Почему, несмотря на все предсказания голодной смерти, он жил, работал, сражался, его поэты сочиняли стихи, ученые писали историю, в музеях проводились экскурсии.

«Нужно было что-то такое, что сильнее любых приказов, всех мук голода. Что сильнее и страха и смерти. Именно то, чем держались ленинградцы, что питало волю и героизм советских людей под Москвой, и в Севастополе, и в Сталинграде, и в партизанских краях и республиках, — великая, высокая человеческая правота и оправданность борьбы до последнего дыхания».

Г. ЕВСТИФЕЕВ.